

сына Писистрата, и других граждан города Прусиады. К сожалению, он слишком фрагментарен. Надписи № 3—8 — небольшие, мало что говорящие фрагменты. Очень жаль, что автор, много занимающийся керамическими клеймами, не дал их публикации. Он ограничился цифровым перечнем их по местам производства и переименованием тех, которые ему почему-то кажутся наиболее интересными. Далее автор упорно пытается опровергнуть выдвинутые мною положения о синопской принадлежности клейм с названиями астиномия и о гераклейском происхождении английских клейм. Однако его «опровержения» никакими деловыми аргументами не подкрепляются.

В разделе «Исследования» помещены прежде всего интересные статьи С. А. Жебелева: 1) «Что понимать под «Борисфеном» в IosPE, 1², 24?» и 2) «Ольвия и Митридат Евпатор». Первая из них убедительно доказывает, что под Борисфеном надписи следует понимать не Днепр, а Днепро-Бугский лиман. Статья перепечатана из ИТУАК, 1918, № 54, с небольшими дополнениями и изменениями. Вторая посвящена надписи IosPE, 1, 35: в ней упомянуты Ἀρμένιοι — жители Армены, пригорода Синопы, переселенные Митридатом Великим в Ольвию¹.

Последняя статья А. Н. Зографа «Находки понтийских монет Митридатовского времени в Ольвии» — хорошо гармонирует с предшествующей статьей С. А. Жебелева. Автор убедительно показывает, что распространение подобных монет не было случайным на Северном Причерноморье, но являлось частью системы Митридата VI по освоению этих областей, в частности Ольвии. В этом А. Зограф также совершенно справедливо видит начало той системы обращения золота и меди без серебра, которая установилась в Причерноморье с царствования Асандра.

В заключение отмечу, что внешне прекрасно оформленный сборник должен служить образцом для других отчетов по исследованию греческих городов нашего Юга. Особенно важна публикация материалов по отдельным, ранее не трактованным в нашей литературе вопросам, как местная керамика, кость, остеология животных и т. п.

Проф. Б. Граков

ПЛУТАРХ. «Избранные биографии», перевод с греческого, под редакцией и с предисловием проф. С. Я. Лурье, Ленинградский гос. университет, исторический факультет, М., 1941, 490 стр.

Рецензируемая книга распадается на две главные части: биографии греков V века, биографии римлян II и I веков до н. э.

Основной целью издания нового перевода «Избранных биографий» Плутарха, по словам редакции, является помощь преподавателю и студенту при работе в семинариях по античной истории. Руководствуясь этим соображением, редакция нашла нужным выбрать из «Жизнеописаний» наиболее интересные для изучения в студенческой аудитории, снабдив их вводными статьями и комментариями.

О пользе такого рода издания для нашего университетского преподавания не может быть двух мнений. Хорошо сделанный перевод с солидным, хорошо составленным комментарием является необходимым пособием в работе студентов-историков. С этой точки зрения появление книги, выпущенной историческим факультетом Ленинградского государственного университета, надо признать весьма своевременным и ценным. Авторы разбираемой книги весьма удачно остановили свой выбор на сочинениях Плутарха. В самом деле, ни одного из крупных исторических произведений Фукидида, Геродота, Полибия, Ксенофонта, Аппиана или Аристотеля нельзя читать со студентами, не пользуясь в то же время биографиями Плутарха; да и Плутарх сам по себе представляет чрезвычайно благодарный материал для студенческой аудитории. Самый выбор биографий — биографий деятелей V века для истории Греции и II—I веков

¹ См. также КСИИМК, вып. IV, стр. 31 и сл.

до н. э. для истории Рима — также следует считать весьма удачным: на этих двух эпохах преимущественно останавливается внимание преподавателя при выборе темы для семинарских занятий со студентами. Все это несомненно положительные стороны разбираемой книги. Всестороннюю оценку ее содержания несколько затрудняют «неровности» в работе авторов, которые отмечает и сама редакция. Необходимо разобрать каждую из ее составных частей в отдельности.

Остановимся прежде всего на самом подборе вошедших в книгу биографий. Если биографии греческих деятелей V века охватывают целиком эпоху, как она отражена в жизнеописаниях Плутарха, то для истории Рима II и I веков до н. э. сделан только частичный отбор, который никак нельзя признать удачным. Из 12 биографий, относящихся к данной эпохе, в книгу вошло только 7, поэтому, за исключением эпохи Гракхов, книга не дает достаточно полного материала для истории Рима II и I веков. Как можно использовать биографию Суллы, когда в книге нет биографий ни Мария, ни Лукулла, Марка Красса и Цезаря — без биографий Помпея и Сертория? Для эпохи Цезаря есть Брут и Цицерон, но отсутствуют Катон и Антоний. Если по тем или иным причинам в одном томе нельзя было дать всех биографий римлян II и I веков до н. э., то во всяком случае биографии Мария, Лукулла, Сертория и Помпея должны были войти в данную серию, иначе биографии Суллы и Красса остались совершенно изолированными и недостаточными для использования их в семинарских занятиях со студентами.

Еще более неудачным приемом сокращения текста объясняется, повидимому, и пропуск некоторых глав в самих биографиях Плутарха. Так, биография Кимона начинается с главы 4, а биография Перикла — с главы 3. При этом редакция не сочла даже нужным дать объяснения такому произвольному урезыванию текста, если не считать коротенького примечания к биографии Кимона о том, что «первые три главы, кроме нескольких строк в конце третьей, посвященных сравнительной характеристике Лукулла и Кимона, к биографии последнего отношения не имеют» (стр. 68).

Непонятно, почему сравнительная характеристика Лукулла и Кимона не имеет отношения к биографии Кимона; и уж во всяком случае она очень интересна для характеристики приемов работы Плутарха.

К биографии Перикла редакция не сочла нужным дать даже и такое объяснение.

На наш взгляд, такого рода произвольное сокращение текста ничем не может быть оправдано. Можно было сколько угодно сокращать вводные статьи, комментарии и пр., но никак не текст автора. Останавливаясь на этой детали потому, что она и сама по себе заслуживает внимания и свидетельствует об односторонности постановки вопроса об изучении Плутарха как источника для различных эпох античности.

Вводных статей три в рецензируемой книге. Первая из них — «Плутарх и его время», — написана проф. С. Я. Лурье и является вводной ко всей книге в целом. Автор дает сначала очерк положения провинций в эпоху Траяна, а затем переходит к характеристике мировоззрения и литературной деятельности Плутарха. Статья написана живо и интересно. В ней отмечен своеобразный «патриотизм» Плутарха, подчеркнуто его отношение к рабству и другие характерные черты мировоззрения Плутарха. Что касается Плутарха, как исторического источника, то автор очень обоснованно критикует устаревшую в настоящее время точку зрения на Плутарха как на компилятора, совершенно механически соединявшего отдельные excerpts из известной ему литературы. Неправ, однако, автор, когда он такую точку зрения на Плутарха приписывает Эд. Мейеру, ссылаясь на статьи Эд. Мейера в «Forschungen zur alten Geschichte» (I, 261 и II, 65). Для Эд. Мейера и его школы в том, что касается методов анализа источников, несравненно большее значение имеет его статья в «Kleine Schriften» (ср. Untersuchungen zur Geschichte d. Gracchen), где он полемизирует с формально-филологическими приемами критики источников Шварца в RE; в указанной проф. Лурье статье о приемах работы Плутарха (Forschungen, II, 65, и сл.) Эд. Мейер также далек от приписывания Плутарху чисто механических приемов. Отмечу также, что чрезвычайно интересная и оригинальная работа Varbu, на которую ссылается

автор, заслуживала бы несравненно большего внимания, чем ей уделено в вводной статье проф. С. Я. Лурье (стр. 11).

Большого внимания и всестороннего освещения заслуживала бы в вводной статье и постановка вопросов, связанных с изучением «Жизнеописаний» Плутарха как исторического источника. При современном состоянии изучения Плутарха можно определенно утверждать, что его «Жизнеописания» не только служат для нас источником для восстановления исторических фактов той или иной эпохи, но и дают богатейший материал для изучения истории общественной мысли античности; в биографиях мы находим отражение философско-политических теорий о государстве и личности (биографии Ликурга, Агиса и Клеомена); полемику по поводу оценки деятельности наиболее выдающихся политических деятелей (Фемистокл, Аристид, Алкивиад); отражение богатейшей, в большинстве случаев утерянной для нас, публицистической литературы античности. Нечего говорить о том, какой богатый материал дают «Биографии» Плутарха для изучения историографии античности; достаточно, например, сопоставить описание битвы при Саламине у Геродота (VIII, 50 и сл.) и Плутарха («Фемистокл», гл. 10; в особенности Геродот, VIII, 65 и Плутарх, Фемистокл, гл. 15 и Дидор, XI 15 и сл.) или характеристику Спартака (Плутарх, биография Красса, гл. 8—11, и Аппиан, «Гражданские войны», I, 116—120), чтобы уяснить себе, как различно оценивались и освещались события в различных слоях античного общества в различные эпохи. Здесь, конечно, не место развивать всю совокупность вопросов, связанных с изучением Плутарха, но их установку и указание главной литературы мы вправе были ожидать в вводной статье к рецензируемой книге.

Историческая часть введения также вызывает некоторые замечания. Характеристика общества и состояния провинций в эпоху Траяна дана односторонне и неполно. Помимо весьма неудачного термина «стабилизация», для всей эпохи нет данных ни о большой внешней, ни о внутренней политике правления Траяна, и, что особенно заслуживает упрека, это — отсутствие упоминания о состоянии и направлении литературы и философии того времени; поэтому утверждение автора, что «Плутарх справедливо считается последним универсальным ученым эллинизма» (стр. 11), остается совершенно необоснованным и висящим в воздухе.

В основном такого же рода замечания напрашиваются и при чтении второй вводной статьи книги — «Две истории пятого века»; интересен замысел автора — нарисовать историю V века по Плутарху и сопоставить его данные с выводами новейшей историографии; но в такого рода историческом введении мы вправе ожидать четкого подведения итогов тому, что уже сделано в науке к настоящему времени, выделения спорных вопросов и постановки проблем дальнейшего исследования. Автор этого не сделал, а лишь изложил в аподиктической форме свою точку зрения. Текст Плутарха открывается биографиями Фемистокла и Аристида; необходимо было для руководства преподавателя и студента поставить вопрос о борьбе партий в эпоху греко-персидских войн, вопрос, как известно, очень спорный и сложный. Точка зрения автора не сформулирована четко, его положения разбросаны в примечаниях и не позволяют судить о его взглядах и их обосновании в целом.

Третья вводная статья рецензируемой книги — «Римские биографии Плутарха» — принадлежит перу Д. Калистова. Статья написана по иному плану, чем введение к биографиям греков. Автор в очень сжатой форме дает исторический очерк эпохи и касается главнейших вопросов об источниках Плутарха в римских биографиях и взаимоотношении с Аппианом в соответствующих частях его «Гражданских войн». Этот последний вопрос, на наш взгляд, освещен убедительно.

К сожалению, исторический очерк получился неполный. Так как за биографией Грахов в книге следует биография Суллы, Д. Калистов от характеристики эпохи Грахов сразу же переходит к положению дел в Риме в эпоху диктатуры Суллы. События, вызвавшие эту кратковременную единоличную власть, а следовательно, и оценка ее исторического значения, выпали, так как выпали промежуточные биографии. Этот недостаток статьи как нельзя более наглядно подтверждает правильность нашего

указания на недопустимость такого отбора биографий римлян, который мы имеем в настоящей книге.

Переходим к разбору примечаний. Основные требования, которые обычно ставятся к такого рода работам, вытекают из задачи всего издания: ориентировать читателя в источниках и литературе, необходимых для интерпретации текста; излишне говорить о том, что от примечаний такого рода требуется систематичность указаний, полнота их, точность ссылок, краткость и четкость формулировок.

Примечания к обеим частям книги построены по различным планам, — для биографии греков редакция сочла нужным дать «установочную» вводную статью, дать сравнительную оценку различных свидетельств и указания на те выводы, которые из них можно сделать. Комментарий к биографиям римлян, написанный кандидатами исторических наук Д. П. Калистовым и В. И. Холмогоровым, имеет в виду преимущественно семинарий иного типа. В этом комментарии даны только разъяснения непонятных терминов и названий, а также краткие исторические справки и приведены параллельно свидетельства или указания, где их можно найти, — как правило, без разбора их сравнительной ценности. Различный принцип в составлении примечаний, конечно, допустим, но в данном случае он носит случайный характер, — несомненно, что обе основные части книги должны быть пригодны для использования в семинарских занятиях любого типа как по истории Греции, так и по истории Рима.

Поскольку примечания построены по различным планам и принадлежат различным авторам, рассмотрим каждую из групп отдельно.

Комментарий к биографиям греков, составленный проф. С. Я. Лурье, содержателен и интересен; в примечаниях собран большой материал; в особенности ценны и полезны для занятий со студентами указанные комментатором эпиграфические и нумизматические данные.

Наряду с этими достоинствами приходится отметить и ряд недостатков. Прежде всего — пестрота и разнообразность комментирования; так, в примечаниях к биографиям Фемистокла и Аристиды автор уделяет много места своим собственным выводам и своей интерпретации наиболее спорных данных Плутарха; напротив, для примечаний к биографии Перикла автор, по его собственному замечанию (стр. 392), ограничился выборкой из комментированного издания Синтениса-Фура. Из других недостатков укажу на чрезвычайные длинноты в примечаниях к биографиям Фемистокла и Аристиды. Почти целые страницы заполнены выписками из Геродота и Фукидида, переводы которых имеются в доступных изданиях (см., например, стр. 359—360, стр. 363, прим. 110; стр. 389, стр. 391, прим. 70 и др.). Много места занимают собственные выводы автора по спорным вопросам (стр. 357, прим. 26; стр. 363, прим. 112; стр. 364, прим. 121 и др.). Однако систематические указания на авторов, сопоставление которых с Плутархом позволило бы читателю самому сделать выводы по тому или другому вопросу, в примечаниях нередко отсутствуют. В некоторых примечаниях нет необходимых данных, ориентирующих читателя в оценке сообщаемых фактов. Так, по поводу версии Аристотеля о роли ареопага в Саламинской битве приведена цитата из «Афинской политики», но не указано параллельное место «Политики» Аристотеля—1304а, 22; приводится пояснение о составе и роли ареопага в эту эпоху, но не упоминается об общей тенденции Аристотеля в его «Афинской политике» по отношению к Фемистоклу, а без такого указания и данные Аристотеля о Саламинской битве не могут быть правильно оценены (стр. 360, прим. 62). По поводу Саламинской битвы нет ссылки на соответствующее место Диодора, по которому можно судить о развитии античной историографии раннего и более позднего периодов:

Встречаются и ошибки, мешающие читателю воспользоваться указаниями примечаний; так, например, в примечании 79 (стр. 361) сказано «ср. Диодор XVII, 3» — в действительности приведенная цитата относится к кн. XI Диодора, гл. 17, 3.

Примечания к биографиям римлян, в отличие от примечаний к биографиям греков, ограничиваются указанием на параллельные тексты. Автор воздерживается от каких-либо выводов или оценок приведенного им материала источников. Такого рода

установка, конечно, имеет свой *raison d'être*, но руководящие, ориентирующие читателя краткие замечания и при таком плане примечаний были бы нелишни.

В целом примечания составлены тщательно; в ссылках дан богатый материал. Как на один из пропусков, можно указать на гл. 4 биографии Тиберия Гракха; по поводу замечания Плутарха: «Мне не безызвестно, что некоторые историки относят это сообщение к сватовству отца Гракха Тиберия к дочери Сципиона Африканского», — конечно, необходимо было указать на соответствующее место Ливия (XXXVIII, 57, 7—8).

Как и в примечаниях к биографиям греков, и здесь встречаются длиннейшие цитаты из Аппиана (например, стр. 434), текст которого имеется в доступном русском переводе. Редакция правильно отметила (стр. 3), что во время работы над биографиями римлян читатель должен иметь Аппиана всегда при себе; никакие цитаты в данном случае не могут быть достаточны. На эти длины цитируемых^н текстов Фукидида, Геродота и Аппиана считаю долгом указать, потому что они особенно подчеркивают необоснованность сокращений в тексте самого Плутарха.

Встречаются некоторые неточности и опечатки и в этой части примечаний; так, например, в примечании 36 (стр. 435) указано: «Веллей Патеркул 3, 6». Как известно, у Vell. Paters. нет книги 3; на стр. 434 дано примечание 20а, на которое нет ссылки в тексте; в примечании 32 (стр. 435) указана цитата Цицерона «Брут» 25, без указания параграфа (94), как это правильно сделано во всех остальных цитатах из Цицерона; такой же пропуск мы находим на стр. 435, прим. 33 — «Циц. «Об ораторе» 1,50» — следует цитировать 1,50, 216. Все цитаты из Полибия даны по русскому переводу Мищенко, сделанному с устаревшего в настоящее время издания греческого текста; необходимо было в скобках указать книги и главы издания Полибия Büttner-Wobst'a, чтобы дать читателю возможность сопоставлять Плутарха не только с русскими переводами Полибия, но и с греческим оригиналом.

Совсем обособленно от других примечаний приходится поставить оценку примечаний к биографии Цезаря. Во-первых, они несомненно составлены были для какого-то иного издания, а не для настоящей книги, ибо для чего в книге, где приведены целиком биографии Цицерона, Красса, Брута, пояснять в примечаниях, кто такие были Цицерон (стр. 480, прим. 7), М. Лициний Красс (стр. 482, прим. 63), М. Юний Брут (стр. 487, прим. 168) и многое другое. Во-вторых, неудовлетворительно даны пояснения таких институтов древнего Рима, как «народный трибун» (стр. 481, прим. 23), «претор» (стр. 482, прим. 47), «триумф» (там же, прим. 59). Всё разбирать считаю излишним, приведу только несколько примеров. Прим. 25, стр. 481: «Квестор — первоначально (когда это «первоначально»?) уголовный судья, а затем (когда же?) финансовый чиновник». Надо ли здесь доказывать, что античный город-государство управлялся не «чиновниками», а «магистратами», что выборная магистратура по существу отлична от бюрократической системы чиновников. На той же странице, прим. 30, курульные эдилы также именуется «чиновниками». Особенно поразительно прим. 104, стр. 484: «Марсово поле — *площадь* в Риме для военных упражнений на *Целийском холме* (!). Марсово поле расположено на равнине по течению реки Тибра *за пределами* поместья (городской черты), к северу от Палатинского холма, а Целийский холм находится в противоположной части города, к югу от Палатинского холма.

Трудно понять, как в рецензируемой книге под редакцией такого авторитетного ученого, как проф. С. Я. Лурье, могли найти место такие примечания. Можно объяснить это только одним — редакция в них не заглянула.

Остается сказать еще о переводе «Биографий» Плутарха. Для его оценки следовало бы провести трудоемкую и кропотливую работу сопоставлений с прежним переводом Алексеева. Ограничусь лишь беглыми замечаниями. Перевод выдержан хорошим литературным языком; некоторые части особенно удачно переданы переводчиками, — например, полные экспрессии сцены перед Саламинской битвой (биография Фемистокла, гл. 9—10 и сл.), трагическая гибель Красса; удачен перевод биографии Лисандра, сделанный М. Е. Сергеевко, и др. От мелких замечаний, которых, вероятно, нашлось бы немало, как и по поводу всякого перевода, воздержусь.

При всех этих недочетах «Избранные биографии» Плутарха — книга несомненно полезная и нужная; в ней собрано много ценного интересного материала, который с успехом используют студенты и преподаватели. Но допущенные в ней недостатки большей частью могли быть без труда устранены при более тщательной редакции.

Проф. С. Протасова

А. И. БОЛТУНОВА. *Греческие надписи Армавира*, Известия Армянского филиала Академии Наук СССР, 1942, 1—2 (15—16), стр. 35—61.

За последние пятнадцать лет до Отечественной войны снова стали появляться находки греческих надписей на юге СССР. Керчь и Таманский полуостров были их главным источником. Ряд находок оказался и в Закавказье. Многие из этих надписей уже опубликованы. Работа по подготовке к публикации шла и во время войны. Ряд публикаций, насколько мне известно, готов и скоро будет сдан в печать. Впрочем, одна такая публикация уже появилась в военное время. А. И. Болтунова опубликовала надписи двух камней. Они найдены на территории древней армянской столицы — Армавира, у подножья его акрополя. На одном камне — три, на другом — четыре надписи.

Первый из этих камней открыт давно. Еще в 1911 г. он был передан академику Я. И. Смирнову, который не успел опубликовать текстов. После него, как сообщает автор публикации, осталось много замечаний, вариантов чтения и детальный филологический анализ. Но все это не сведено в одно целое и не дает определенных выводов относительно чтения текстов и их исторического истолкования.

Первая надпись на этом камне содержит четверостишие гекзаметром, очень неполное. Это какое-то не вполне ясное по смыслу изречение Гесиода к брату Персу.

Вторая надпись в 11 строк, по восстановлению А. И. Болтуновой, писана ямбическим триметром. В ней говорится о воинственной богине, несущей какие-то тайнства, освобождающей людей от ложного зла, дурного языка и зависти к избылию(?) или щедрости (?). Впрочем, это не совсем ясно. В последнем четверостишии понятны скорее отдельные слова, чем общий смысл. Здесь говорится о каком-то страдании и несчастье, ниспосланных богами, которые отрицаются в непонятной синтаксической связи. А. И. Болтунова видит в богине армянскую Анаиту, впоследствии отождествляющуюся греками с Артемидой или Кибелой, и склонна предполагать, что автор обоих стихотворений был царь Артавазд, писавший трагедии, речи и исторические сочинения по-гречески. Некоторые из них сохранились еще в эпоху сообщаемого об этом Плутарха.

Третья надпись — пятистрочный перечень приношений в храм (по убедительному мнению А. И. Болтуновой) четверки коней неким Эвтихаримидом и блюда неким Пламидом. А. И. Болтунова приводит мнение проф. С. Д. Лисициани, что посвящение четверки коней может быть связано с изображением колесницы на монетах Артавазда. Здесь же она соглашается с мнением покойного академика Я. И. Смирнова, считавшего, что камень был поставлен в святилище, так как этому соответствует содержание всех трех вырезанных на нем текстов.

Второй камень был открыт в 1927 г. На нем вырезаны четыре надписи. Первая содержит письмо Артаксии, династа Армении, царю Евронту, с обычным пожеланием здоровья ему и детям. Во второй — перечень двенадцати месяцев македоно-сирийского календаря с пожеланием здоровья, очевидно, в течение всего года, Фарнаку, по мнению А. И. Болтуновой, царю Понта. Третья очень неполна и содержит пожелание здоровья какому-то греку Нумению, а дальше слова βασιλεὺς ὑγίη. Четвертая надпись — стихотворная. В ней Нумений сообщает «братолюбивой» (царице) о гибели ее мужа, недавно завоевавшего Армению. Его убили солдаты. Надпись очень неполна, и уловим только ее общий смысл. В ней отсутствуют имена всех упоминаемых лиц, кроме автора стихотворения Нумения, и пропали значительные части строк.

А. И. Болтунова исходит в определении времени и значения надписей второго